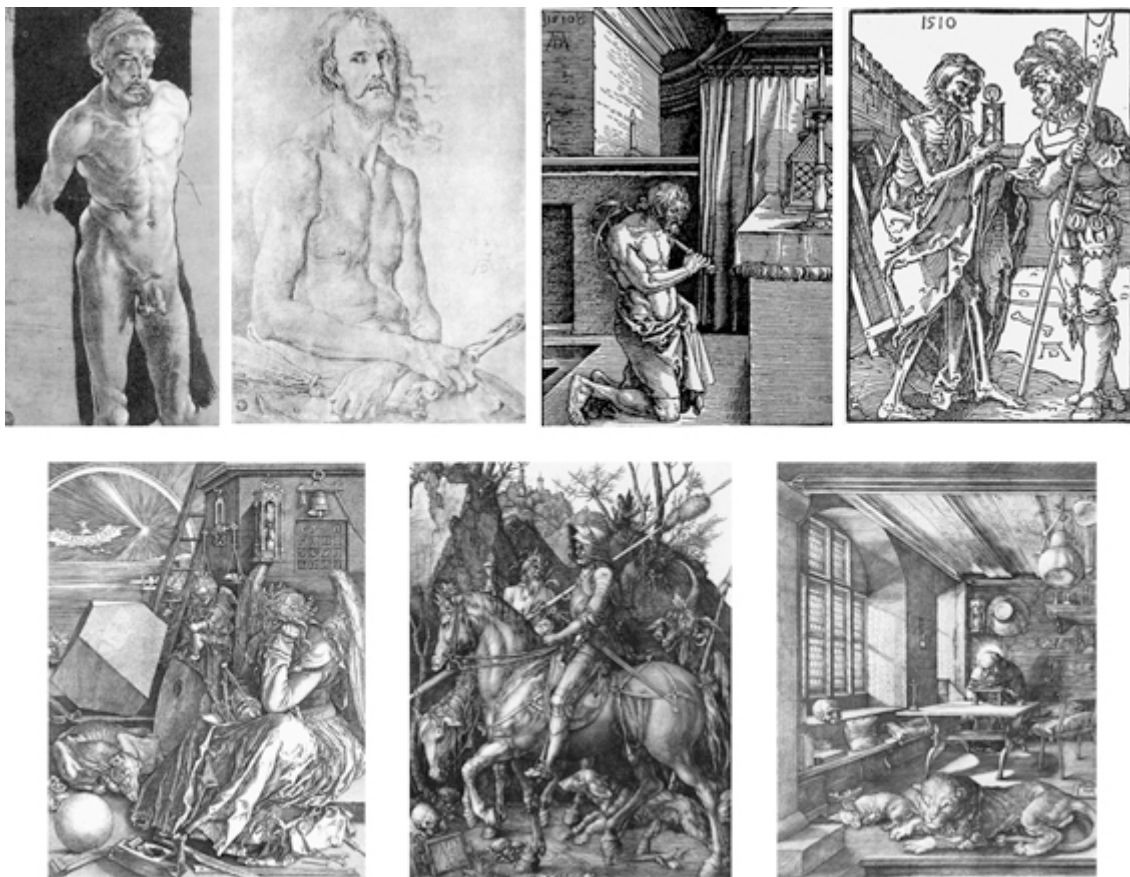

Игорь Шестков "Стихи художника"

Стихи художника

Дюрер писал не стихи, а проповеди. Наставления. Его рифмованные тексты неуклюжи и назидательны. Назидательны и его графические аллегории - только мы этого не замечаем из-за их красоты. Стихи эти сами по себе не интересны. Но они протоколируют страхи и надежды великого художника. Обнажают его внутренний мир.

Несмотря на ясность графического языка Дюрера, мы, современные зрители, часто не понимаем ни сюжета, ни аллегорического смысла, заложенного мастером в свои произведения. Мы давно потеряли тоску по той сияющей истине-надежде, которой жил Дюрер. Эту надежду давало верующему христианское учение о покаянии и вечной жизни.

Христианство Дюрера боролось в его душе с тем, что фиксировал его трезвый

ум - с триумфом смерти, властью случая и очевидной бессмысленностью жизни. Боролось и побеждало. Реальный мир дополнялся в его графике небесными институтами, придающими безжалостной вселенной божественную справедливость и высший смысл. Упорно создаваемое Дюрером графическое трехмерное пространство имело четвертое, христианское измерение. Не только линии сходились в одной точке, подчиняясь закону перспективы, но и идеи сходились в Боге.

Дюрер работал кистью, пером или резцом конструктивно, композиционно, почти научно. С убежденностью естествоиспытателя 19-го века и искренностью апостола Петра. Создавая этюды, набрасывал динамичный контур, а затем энергичной штриховкой выявлял детали, сохраняя даже на уровне травинки возвышенную энергию целого. Не подражал реальности, а заново ее выстраивал из новой графической материи, стараясь улучшить пропорции, подчеркивая пространственную конструкцию, рельефно выявляя ее детали, функциональные особенности.

Каждая форма на графических работах Дюрера занимает строго определенное место пространства. Все деления и сечения этого подчеркнуто ортогонального пространства точно рассчитаны и построены по ясным схемам с помощью линейки и циркуля.

Его искусство – триумф ортогонального пространства, тризна вещи, объекта, конструкции.

А как мастер думал?

Судя по его стихам, письмам и записям, Дюрер и мыслил как рисовал - положительно, конструктивно. Евангелию и учению церкви он верил буквально, не позволяя себе его критиковать или анализировать. Проектировал христианские угрозы и обетования на собственную жизнь и судьбу также аккуратно, как переносил контуры человеческой фигуры на лист бумаги.

Хочу предупредить читателя - цитируемые ниже фрагменты стихов Дюрера я не только перевел, но и переписал по-своему, не заботясь о ритме и рифмах.

Старался передать только смысл и пафос.

* * *

Будьте Богу верны!
Обретете здоровье
И вечную жизнь на небесах
Как пречистая дева Мария.
Говорит вам Альбрехт Дюрер -
Покайтесь в грехах
До последнего дня поста,
И заткнете дьяволу пасть,
Одолеете нечистого.
Да поможет вам Господь Иисус Христос
Утвердиться в добре!
Чаще думайте о смерти,
О погребении ваших тел.
Это устрашает душу,
Отвлекает от зла
И греховного мира,
От гнета плоти
И наущений дьявола...

Художник приписал эту проповедь к веселому ответу на письмо приятеля, художника Конрада Меркеля из Ульма. Поучая, Дюрер как бы уговаривает сам себя.

Сознание собственной греховности, в сочетании с ежедневной близостью смерти, приводило, по-видимому, художника в состояние депрессии (современники отмечают меланхоличность Дюрера). На многих автопортретах Дюрер выглядит как человек склонный к раздумьям о смерти.

И до путешествия в Нидерланды, где он действительно заболел малярией, мучившей его все последующие годы, Дюрер часто жаловался в письмах на различные недомогания, на подозрительную коросту на руках. Жалуется на свои болячки, но увещевает друзей, как бы говоря, - вот, меня уже постигло несчастье, постигнет и вас, и еще худшее. Покайтесь!

В процитированном выше отрывке Дюрер призывает друга представить себе

свои похороны, нагнать самому себе страху и оставить грехи, отречься от греховного мира и дьявольского соблазна. Каким человеком был автор, советующий лечить себя страхом смерти? Был он аскетом, приговорившим, по примеру основателя христианства, самого себя, к распятию? Или «малым Христом», желающим повисеть, но не умереть?

* * *

Варвара, о чистая дева,
Приди мне на помощь в страшной беде!
Прими меня, молю,
Освободи
От жажды смерти.
Тогда и я приму
Причастие святое
И грех перед Всевышним
Заглажу.

Дюрер был статным, симпатичным, элегантно одетым человеком с нелепыми, похожими (по словам его друзей) на клыки вепря, усами, кривым носом и длинными завитыми волосами. И такой кавалер жаждет смерти? Просит святую Варвару о том, чтобы она «приняла» его (в оригинале - «приобрети меня»). С верой и убежденностью кровоточащей женщины из евангельской притчи, коснувшейся края одежды Спасителя и исцелившейся.

Какая «страшная беда» доводила Дюрера до жажды смерти? Болезнь? Или мучительный душевный разлад?

Нет данных о том, что Дюрер в то время (ок. 1510) тяжело болел. Значит, Дюрера мучил страх посмертного наказания за грехи. Какие? Обычные? Или такие, о которых и подумать было страшно в ту прекрасную эпоху? Почему ученики Вольгемута издевались над юным Дюрером? Почему дьявол на его гравюрах - почти всегда гермафродит с отвисшими женскими грудями и вставшим мужским членом? Почему Дюрер проявлял такой несвойственный эпохе интерес к показу своего тела, кропотливо вырисовывая свои половые

органы, руки, грудь? Только из естественнонаучного интереса, или в этом сказывался прикрывающийся интересом к натуре эксгибиционизм? Пусть читатель припомнит, грудь или живот какого художника ему так хорошо знакомы как грудь или живот с обвисшей кожей немолодого Дюрера? «Голые» (илл.1) и «охристосенные» (илл.2) автопортреты - два интереснейших феномена искусства Дюрера, куда более загадочные и интригующие, чем загадка Меланхолии, фигуры, которую можно было бы не совсем всерьез назвать «располневшим Дюрером в юбке и без бороды, но с крыльями»... Была ли главным его грехом страстишка к азартным играм (более тридцати раз упоминает Дюрер в «Дневнике путешествия в Нидерланды» о проигрышах и только один раз о выигрыше)? Или Дюрер был голубым? В Венеции курсировали слухи о его любви к обеим полам... Рафаэль прислал ему в подарок рисунок голого мужчины...

Возможно, Дюрер практиковал однополую любовь с сердечным другом, знатоком античной литературы Пиркгеймером, про которого написал на портрете по-гречески (которым, правда, не владел) - вставшим членом в анус других. Хотя, кажется, это была всего лишь шутка... И текст подсунил наивному художнику сам Пиркгеймер...

Длинные, завитые горячим способом, волосы, уроки танцев, страх заболеть сифилисом в Венеции и покупка лекарства против этой болезни в Нидерландах, элегантная одежда, мелкое тщеславие во всем, что касается его красоты и внешнего вида, меланхолия, нарциссизм и эксгибиционизм, комплекс Христа, бездетный брак, подчинение жене, нежная дружба с распутником

Пиркгеймером, которого он сам в октябрьском письме 1506-го года шуточно предлагал кастрировать - все это сочетается в Дюрере с нежной заботой о матери и братьях, с многолетним упорным трудом, частыми жалобами на бедность, болезни, несчастья, якобы его преследовавшие. Любопытны и характеристики, данные им самому себе в письмах разных лет - кроткий, послушный, добрый, бескорыстный, упорный, трудолюбивый, старательный...

За всю свою, довольно благополучную, жизнь Дюрер совершил четыре относительно далеких путешествия и несколько недалеких, обучил и выпустил

целую школу учеников, поработал на императорской службе и заслужил славу, богатство, опубликовал свои труды... И умер в своей постели... Какой контраст с жизнью и смертью многих его современников! Маттиас Грюневальд провел всю жизнь в тени, не оставив кроме нескольких рисунков (графическая продукция Дюрера разошлась по свету в количестве нескольких десятков тысяч листов) и немногих живописных произведений ни биографии, ни даже своего настоящего имени, Йорг Ратгеб был подвергнут пыткам и четвертован в Форцхайме, великому скульптору Тильману Рименшнейдеру отбили руки, престарелый Кранах попал в плен, Гольбейн младший переселился в Лондон, где умер от чумы в 45 лет, гениальный Вайт Штос подделал вексель, был осужден и заклеямен, скрывался, великолепный график Урс Граф сражался в битве при Мариньяно как ландскнехт и в 38 лет попал в тюрьму, три ученика Дюрера, признались в безбожии, за что их осудили и изгнали из Нюрнберга... Правда, потом простили...

Дюрер не зря упомянул «гнет плоти» в первом, процитированном мной стихотворении. Сексуальные фантазии художника отличаются от аналогичных фантазий не художника не особой развратностью - это от профессии не зависит. Просто художник способен быстро материализовать расплывчатую идею на бумаге, это его ремесло. Ему проще развращать самого себя нарисованными картинками...

Великий русский живописец Михаил Врубель, ослепший и безумный, плакал и жаловался, что дьявол, в отместку за его грехи, превратил мелкие детали его огромных живописных композиций в непристойные сцены.

Внутренний мир Дюрера не был, вероятно, ему полностью подконтролен. Там своевольно разгуливали порожденные его либидо и профессиональным мастерством эротические образы, с которыми ему не всегда удавалось справиться и которые он пытался приручать с помощью циркуля и линейки. И тем не менее, некоторые из них нашли дорогу из сумрачных пространств подсознания на графику мастера.

В борьбе с ними Дюрер использовал грозное оружие - медитацию на собственную смерть, которую и другим настоятельно рекомендовал.

* * *

Злой лжет и, правду говоря,
Горит желаньем обмануть.
Он скажет вам - мне больно оттого,
Что у людей неправда в сердце.
Он прячет свою злость
Под мантией добра.
Над миром он господствовать хотел,
Но победить себя не смог...
Таков нрав злых,
Не смывают они грехи добром,
Повсюду видят только зло
И не щадят и добродетели самой.
Льстят, хвалят,
А в душе - тебя прикончить норовят.
Раздоры сеют и разносят
По миру - грех и ложь.
И радуются только злу.
А если злое дело удалось,
Вопят в безумии своем.
Принадлежат они с рожденья черту
И Бога не боятся.

Тот, кто несправедливо обижен,
Но сносит это с радостью.
Тот, кто любит причиняющего ему зло,
Тот набожен и добродетелен.
Говорит вам Альбрехт Дюрер -
Тот, кто зол, в том нет добра.

Первая часть текста (я процитировал только небольшую часть стихотворения) - это парад воинствующих тез. Автор проводит перед читателем длинный ряд

хорошо вооруженных двестишней, каждое из которых призвано сразить злодея, сорвать с него маску.

Автор предупреждает простака о сорока опасностях, подстерегающих его в злом мире. Во второй части приведены советы и наставления. Дюрер учит, как надо по-христиански отвечать на зло. Добро тут это зло со знаком минус.

Последняя строка стихотворения демонстрирует тривиальность мышления мастера - белое добро и черное зло представляют в сознании Дюрера симметричную картину нравственного мира. По одну сторону от водораздела лежат белые положительные блоки добра, по другую - соответствующие им черные отрицательные блоки зла. Никаких полутонов или двусмысленностей в этом мире нет - добру нельзя быть немножко злым, а злу не позволено быть хотя бы немножко добрым, а если это все таки так выглядит, значит зло хитрит и обманывает.

Дюрер-художник обладал огромным даром, Дюрер-мыслитель был просто набожным христианином. Его мучили грехи, долги и недомоганья, а не архетипические идеи.

Почти все его аллегории заказывались и разрабатывались его друзьями-гуманистами или были заимствованы из итальянских источников. Титульная ксилография Философия - одна из скучнейших работ Дюрера, тем не менее постоянно рассматриваемая искусствоведами из-за обильного символического материала, выполнена по программе Целтия. Аллегорический портрет кайзера Максимилиана, венчающий коллосальную, но бесполезную бумажную Триумфальную арку разработал Пиркгеймер. Гравюра по меди Немезис (Возмездие) сделана на сюжет стихотворения Анжело Полициано... Не исключено, кстати, что в будущем найдется и прототип Меланхолии. У какого-нибудь венецианца, например, у Джованни Беллини или на венецианском кладбище или римском саркофаге.

* * *

В небольшом стихотворении «Молитва» автор просит даровать ему раскаянье.

О, Боже всемогущий!
Иисус Христос мученье претерпел,
Нас ради.
И мука эта благодатна для меня.
Даруй же мне раскаянье в грехах,
И помоги преодолеть себя,
Как ты себя преодолел
И отдал сына
Единородного на казнь.
Причастником твоей победы сделай!

Что так тяготило Дюрера?

Ксилография Кающийся (илл.3), изображающая стоящего на коленях голого до пояса мужчину (царя Давида), бичующего себя перед алтарем, не дает ответа. Датируется эта гравюра так же как и цитируемое стихотворение - 1510-м годом. Глаза кающегося опущены. Лицо, напоминающее лицо Дюрера и лики дюреровских Спасителей, скорбно. Кающийся углублен в себя. Он борется с собой. Он решил не дожидаться божьей помощи и наказать себя сам. И бичует себя как фанатик-шиит. Это Дюрер-христианин.

* * *

Ничто не может отвратить
Смерть скорую.
Служите
И вечером и утром Богу!
Ведь сами скоро будете мертвы.
Скажи мне, человеческая твердость,
Почему
Не сожалеешь тяжело о грехах?
Ведь никто не избежит расплаты
И будет вечно длиться Страшный суд.
Возвысья ж до христового пути

И бойся Бога.
Он подарит жизнь вечную тебе.
Не погружайся в тлен,
Себя безвременному посвяти
И божьей милости проси
Как будто ежечасно умираешь.
Не переноси на завтра добрые дела.
Не спрашивый, когда умрешь,
Живущий долго, долго и грешит!
И редко кается.
Не дай мне Бог, жить долго в этом мире!
Я знаю, страшно умирать,
Но не молю о долгой жизни.
Ведь она лишь продлевает адские страдания.
Лишь тот, кто свой последний миг
Зрит в сердце непрестанно,
Обрящет милость божью
И насладится добром и миром сердца,
Дарами высшими,
Их мир, во тьме лежащий,
Не может дать.
А праведник получит
За жизнь свою награду - твердый дух,
В час смертный - мужество и радость.
Не убоится страшного судьи.
Ему не надобен защитник.
Господню милость
Он через покаянье обрел
Еще до часа смертного.

А тот, кто добрые дела
Всегда откладывал на завтра,

Надеялся спастись,
Исправно службы в церкви посещая,
Тот будет миром позабыт.
Как только колокол умолкнет,
И принят адом
Для вечного страданья.
Тот, кто не видит самого себя,
Кто предан лишь себе,
Не должен обвинять других,
Что в жизни и кончине,
Оставлен он и Богом и людьми.
Он развратил себя...
А тот, кто хочет тихо умереть
И ада избежать,
Тот должен заслужить добром,
Доверьем к Богу
Благостный конец
Без наказания после смерти.
Того господня сила не оставит,
Введет в небесный мир.
Прошу тебя, Господь,
Позволь и мне так жить
И с радостью почитать.

Этот рифмованный текст 1510-го года, названный автором «Христианские стихи», помещен на листовке рядом с ксилографией Смерть и ландскнехт (илл.4), выпущенной мастерской Дюрера для продажи. В нем Дюрер почти дословно повторяет главу 23 сочинения Фомы Кемпийского «О подражании Христу». Мы не будем обращать на это внимания. Дюрер пишет искренне то, во что сам верит... Возможно, не замечая плагиата.

Смерть, ее оправдание и преодоление - смысловой стержень этого текста.

Смерть и рифмующийся с ней на немецком, всемогущий Бог - эта фатальная пара

противопоставлена человеку. Грешник привязан к тленному, грех его не беспокоит, добрые дела он не делает - посещение мессы кажется ему достаточным для спасения души. За это его ждет после смерти забвение и адское страдание. Человек, живущий с чистой совестью не боится смерти, не жаждет долгой жизни, всегда видит свою смерть, обретает мир, божественную силу и благодать, не печалится в свой смертный час, не боится Страшного суда, потому что раскаялся в своих грехах еще при жизни. Дюрер демонстрирует свое христианство так, как будто защищается на суде от нападок инквизитора. Этим инквизитором был, по-видимому, он сам.

На ксилографии Смерть и ландскнехт, соседствующей с «Христианскими стихами», изображена встреча человека и смерти.левой рукой смерть вцепилась в ландскнехта, а правой показывает ему песочные часы. Ландскнехт и смерть глядят друг другу в глаза.

Кажется, что они начинают диалог. Что они говорят?

Узнать это можно, прочитав другие, не-дюреровские тексты, с аналогичных, более ранних, «канонических» изображений встречи солдата и смерти. Эти тексты кратко повторяют популярные в те времена в Европе «Диалоги жизни и смерти» (известные с конца пятнадцатого века и на Руси под названием «Двоесловие» или «Прение живота со смертью» и мутировавшие в восемнадцатом веке в милейшие легенды об Анике-воине).

На канонических листах ландскнехт признается, что в смерть не верил, что долго воевал и не без славы. Но сейчас, глядя на страшное лицо смерти, понял, что она его сильнее. Бросает оружие и смиренно взывает к Богу о помощи (иногда, впрочем, вступает было с смертью в драку, но быстро прекращает поединок). Смерть саркастически смеется над ландскнехтом, приводит неприятные для любого смертного примеры своего всемогущества, грозит и забирает его.

Дюрер на своей листовке отходит от этого канона и не дает высказаться ни смерти, ни ландскнехту. Говорит за них. С зрителем. Как бы от лица обвинителя-адвоката на Страшном суде. Ставит условия. Обещает. Назидает. Устрашает картинкой...

Дюрер уговаривает читателя и самого себя - посмотри и покайся! От скорой смерти ты не убежишь! Вот она. Уже тут... А потому - служи утром и вечером Богу! Если будешь хорошо себя вести - (а как, читай в моем стихе), то не убоишься кончины, а потом еще и в раю отдохнешь... А если плохо - то гореть тебе вечно в аду...

К сожалению, жизнь - не гравюра на меди, на которой можно все упорядочить, свести концы с концами, дополнив грязный и несправедливый мир реальности небесными институтами истины и справедливости, где можно достичь совершенства... На кусочке бумаги размером в три ладони....

В жизни приходится падать, болеть и умирать... Играть роль жертвы, а не небесного советчика. Дюрер не мог справиться с реальностью. Страдал. Боялся смерти и трепетал Страшного суда. От этого «великого страха», как он его сам назвал в письме к Спалатину, его освободил Лютер. Нам с вами, дорогие читатели, повезло - родился «виттенбергский соловей» на 20 лет раньше, и мы не увидели бы ни Меланхолии, ни Рыцаря, ни сотен других графических укреплений, построенных суеверным мастером для защиты своего подсознания. Остались бы одни реалистические портреты да мрачнейшие картины вроде Четырех Апостолов...

Мастерские гравюры Дюрера

Прочитав много умных немецких текстов, посвященных интерпретации мастерских гравюр Дюрера, я убедился – искусствоведы пытаются разгадать их как ребус. Делают это, привлекая огромное количество чуждых Дюреру идей и слов. Потому что скудный запас абстрактных (не графических) идей самого художника исчерпывается обычно в первых же абзацах серьезных исследований. Мне же интересен только этот самый скудный запас, яснее всего проявившийся в автобиографических записях мастера и в его стихах...

Мастерские гравюры Дюрера – Меланхолия, Рыцарь, Смерть и дьявол и Святой

Иероним – художественно совершенны, идеологически же – просты и наивны. Как дюреровские „Христианские стихи“, которые можно рассматривать как программу этих изображений. А романтического, кабалистического, алхимического или астрологического „символизма“ в мастерских гравюрах нет, и искать его бесполезно. Точнее, весь символизм тут не идет дальше доступной художнику элементарной атрибутики на уровне надписей на подготовительном наброске к Меланхолии – ключ означает власть, кошелек – богатство...

Дюрер мог бы продолжить. Весы означают равновесие, часы – преходящность, лестница – духовное восхождение, колокол это напоминание о смертном часе, жернов – о наказании за грехи, гвозди – о страданиях Спасителя... Но рубанок, по-видимому, остался бы рубанком, линейка линейкой, молоток молотком, клещи клещами... Поддувало на Меланхолии это не приспособление для вдувания греховных мыслей в распахнутые души грешников (как оно зачастую используется на других работах Дюрера), это просто инструмент. Также как и тигель это не алхимический прибор, а хорошо знакомая художнику принадлежность ювелирной мастерской. Письменные принадлежности тоже трудно записать в символы. Полиэдр это никакой не философский камень, а самопохвальба гордого мастера-геометра (и я тоже умею, не только итальянцы!). Шар может быть и играет тут роль модели вселенной, но скорее это все-таки круглое дополнение к граненому полиэдру. Радуга – символ первого, послепотопного завета Бога и человека, комета – знамение катастрофы (и предвестник прихода Мессии).

Строить из этого материала сложные концептуальные модели занимательно, но неубедительно. Убеждают только простые идеи.

Главная идея „Христианских стихов“ доступна каждому:

Ничто не может отвратить смерть скорую!

Раннюю, неожиданную, преждевременную.

Эта жалоба, крик, стон печального мастера. Ни труд, ни прилежание, ни добрые дела, ни воздержание, ни великое мастерство – ничто не может защитить его от всепобедительной смерти. От случая. От неотвратимого наказания в вечности...

Это и есть тема горестных раздумий крылатой Меланхолии. Почему она должна думать не так, как ее создатель? Очевидно, что в своей главной графической работе мастер воплотил свою главную душевную муку. Ничего не поможет! Ни работы по обустройству вселенной, для которых и предназначены различные инструменты, лежащие и висящие в поле гравюры, ни результаты этих работ – шар, полиэдр, ни магия (квадрат), ни мудрость (книга), ни математика (циркуль), ни власть (ключи), ни богатство (кошелек)... Все равно – истечет песок в часах, зазвонит траурный колокол, нагрянет смерть и заберет свою добычу. Такова участь человека. И бессмертная Меланхолия скорбит о нем, размышляет о замысле Бога.

Ничто не может отвратить смерть скорую! – шепчет труп на адской кляче, показывая конному рыцарю песочные часы, а дьявол с багром вторит сзади: И будет вечно длиться Страшный суд!

Песочные часы мы видим на всех трех мастерских гравюрах. Во всех этих часах песок высыпался из верхнего сосуда в нижний примерно на две трети (автобиографический момент). Казалось бы, чего бы рыцарю бояться – до конца еще далеко. Но „скорая“ смерть приходит и до времени. Изображенный Дюрером рыцарь это не Дон Кихот, а бандит с большой дороги, грабитель, грешник. К праведнику не пошлют рогатого дьявола с багром! О рыцаре в „Христианских стихах“ сказано:

Скажи мне, человеческая твердость,
Почему
Не сожалеешь тяжко о грехах?
Ведь никто не избежит расплаты
(и далее по тексту)

Рыцарь и есть воплощение этой твердости, жестоковейности. Об этом свидетельствует его бронированный образ (это уже упомянутая нами естественная аллегория). Рыцарь предается всем перечисленным Дюрером в „Христианских стихах“ грехам и порокам. И назидаящий, все расставляющий по своим местам художник, отдает его на своем графическом листе во власть

смерти и дьявола, надеясь заслужить поправки для себя.

Но суровый рыцарь не обращает внимания ни на смерть, ни на дьявола с багром. Он стихов не читает и продолжает свой путь сквозь каменистое бесплодное ущелье (высохшие корни, деревца, чахлая трава – метафоры его души и судьбы). На недостижимой высоте виднеется фантастический замок, обитель высоких душ. Где-то там, на солнечной стороне мира, сидит св. Иероним в своем светлом кабинете. Ему посвящены следующие строчки „Христианских стихов“:

Возвысья до христового пути

И бойся Бога.

Он подарит

Жизнь вечную тебе.

Не погружайся в тлен,

Себя безвременному посвяти

(и далее)

Именно так и живет святой – в его комнате нет ничего, что могло бы свидетельствовать о суетности или тщеславии ее владельца, погруженного в перевод Септуагинты на латынь. Жизнь Иеронима – это христовый путь, он боится Бога, видит смерть перед собой (череп), делает доброе дело сегодня. Его цель – просвещение, свет истины. Келья его наполнена светом как благодатью. Свет на стенах и на деревянном потолке, на тыкве и на полу. Прозрачны круглые стеклышки окон, светится и склоненная голова Иеронима, свет падает и на круглую кардинальскую шляпу. Все это метафоры чистоты и благодати его души.

В последних строчках „Христианских стихов“ Дюрер формулирует свою главную надежду:

А тот, кто хочет тихо умереть

И ада избежать,

Тот должен заслужить добром,

Доверьем к Богу

Благостный конец

Без наказания после смерти.
Того господня сила не оставит,
Введет в небесный мир.

Судя по свидетельству Пиркгеймера, Дюрер жил как набожный и честный человек и также по-христиански мирно скончался. Хотя в том же письме Пиркгеймер добавляет – умер такой жестокой смертью... Высох как связка соломы...

Рыцарь умрет не благо и не „тихо“, его череп будет, возможно, валяться на дороге (как на гравюре и изображено), его душу утащит в ад однорогий дьявол. Переделав много добрых дел, слепой, изможденный Иероним скончается благостно в Вифлееме.

Крылатая Меланхолия оплачет их земную долю и введет Иеронима и Дюрера в лучший, небесный мир...

Верхний ряд слева на право:

Альбрехт Дюрер. Автопортрет.

Альбрехт Дюрер. Сидящий Христос (автопортрет).

Альбрехт Дюрер. Кающийся.

Альбрехт Дюрер. Смерть и ландскнехт.

Нижний ряд слева на право:

Альбрехт Дюрер. Меланхолия

Альбрехт Дюрер. Рыцарь, смерть и дьявол

Альбрехт Дюрер. Святой Иероним

Книга "Меланхолия Дюрера глазами русского" опубликована по-немецки в Германии в 2001-м году.